

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 464–482, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты

Леонид Александрович Бобров¹

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: [spsml\[at\]mail.ru](mailto:spsml[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бобров Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены пластинчатые панцирные нарукавья воинов Чагатайского улуса и империи Тимуридов. *Цель* исследования — выявить основные направления эволюции пластинчатых нарукавий панцирников Чагатайского улуса, империи Амира Тимура и государств Тимуридов в последней трети XIV – начале XVI в. *Результаты.* В ходе исследования установлено, что нарукавья не были редким и экзотическим элементом защитного вооружения, как иногда полагают. На протяжении нескольких столетий они небезуспешно конкурировали со створчатыми наручами и другими видами защиты плеча и предплечья. В исторической перспективе позднесредневековые нарукавья стали одним из проявлений процесса оптимизации и модернизации имперского «чингизидского» доспеха XIII–XIV вв. В периоды развитого, позднего Средневековья и раннего Нового времени сегментные нарукавья применялись панцирниками Южной Сибири, Передней, Средней, Центральной, Южной и континентальной Восточной Азии, однако в различных регионах эволюция нарукавий отличалась определенной спецификой. Основной период бытования нарукавий в Чагатайском улусе, империи Тимура и государствах Тимуридов может быть локализован второй половиной XIV – началом XVI в. Магистральным направлением эволюции нарукавий являлась оптимизация системы крепления пластин (замена ременной системы крепления на заклепочную), а также постепенное повышение эластичности защитного элемента за счет уменьшения размеров пластин. Последнее решение позволило разместить пластины в несколько рядов и расширить площадь защитного покрытия до запястья включительно. Финальной стадией развития панцирных нарукавий мусульманского Востока стали кольчато-пластинчатые панцирные «рукава». Сегментные нарукавья могли носиться в комплекте с корпусными панцирями с пластинчато-клепанной, пластинчато-нашивной, пластинчато-ременной, кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования. Основными потребителями длинных панцирных нарукавий в войсках Тимура и Тимуридов являлись представители знати и командного состава

среднеазиатских армий. *Выводы.* Вытеснение панцирных нарукавий из военного обихода народов Средней Азии было вызвано сменой местной военно-культурной традиции в результате крушения государств Тимуридов в начале XVI в.

Ключевые слова: Чагатайский улус, Тимур, Тимуриды, чагатайский доспех, тимуридский доспех, панцирные нарукавья

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Бобров Л. А. Чагатайские и тимуридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 464–482. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

Chagatai and Timurid Plated Armguards of the Late 14th to Early 16th Centuries and Their Derivatives

Leonid A. Bobrov¹

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsm1[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bobrov L. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with plated (lamellar) armguards (‘oversleeves’) used by warriors of the Chagatai Ulus and the Timurid Empire. *Goals.* The study aims to identify key trends in the evolution of plated armguards across the Chagatai Ulus, the empire of Amir Timur, and the Timurid states in the late 14th to early 16th centuries. *Results.* The study reveals oversleeve-type armguards were not that rare and exotic in the then armour patterns as is sometimes believed, and for several centuries the former successfully competed with vambraces and other armour elements supposed to protect shoulders and forearms. In a historical perspective, the late medieval armguards proved somewhat manifested optimization and modernization of the imperial-era ‘Genghisid’ armour from the 13th and 14th centuries. The High and Late Middle Ages, as well as early modern times, witnessed the use of segmented armguards by armoured warriors across Southern Siberia, West, Central, South, and mainland East Asia. However, evolutionary trends were distinguished by certain specifics in different regions. Such armguards existed mainly in the mid-14th to early 16th centuries. The oversleeve-type armguards were evolutionarily drifting toward the optimization of plate embedding patterns (belts be replaced by rivets), as well as a gradual increase in the elasticity of this armour element via plate size reduction. The latter made it possible to place plates in several rows and expand the protected area up to the wrist. The final stage in the development of such plated armguards across the Muslim East was mail and plate ‘sleeves’. Segmented armguards could be worn with body armour characterized by different plate embedding structures (i.e., plates riveted, sewn, laced or connected with pieces of chainmail, as well as onto chainmail only). The main consumers of long plated oversleeve-type armguards in troops of Timur and Timurids were representatives of the nobility and line officers. *Conclusions.* The plated armguards were left behind by Central Asian communities as a result of transformed local military traditions in the aftermath of the collapse of the Timurid states in the early 16th century.

Keywords: Chagatai ulus, Timur, Timurids, Chagatai armour, Timurid armour, laminar armguards

Acknowledgements. The reported study was granted by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.

For citation: Bobrov L. A. Chagatai and Timurid Plated Armguards of the Late 14th to Early 16th Centuries and Their Derivatives. *Oriental Studies*. 2023; 16(3): 464–482. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482

1. Введение

Исторический период, охватывающий XIII–XV вв., стал важным этапом эволюции комплекса защитного вооружения тюрко- и ираноязычных народов Передней и Средней Азии. На протяжении данного периода указанные регионы входили в состав Великой Монгольской империи, Хулагуидского и Чагатайского улуса, а позднее — империи Амира Тимура и его наследников. В результате монгольского завоевания местное население познакомилось с *паноплией* народов Южной Сибири, восточных районов Центральной, а также континентальной Восточной Азии. В результате синтеза местных, монгольских, цзиньских (чжурчжэньско-киданьско-китайских), южносибирских военно-культурных традиций в Чагатайском улусе сложился оригинальный синкретичный доспешный комплекс, впитавший в себя лучшие образцы защитного вооружения различных регионов Евразии. Пика своего развития он достиг в период правления Амира Тимура и его приемников [Бобров 2011: 21–24, 33, 34, 40, 44].

Передне- и среднеазиатский доспех XIII–XV вв. неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных специалистов [Gorelik 1979; Горелик 1983; Горелик 1987б; Nicolle 1990: 37–40; Бобров, Худяков 2002: 108–113, 117–121, 143–147, 150, 152–154; Бобров 2003а; Бобров 2003б]. Однако указанная проблематика была исследована весьма неравномерно. Наибольший интерес археологов и оружейников традиционно вызывали боевые наголовья и корпусные панцири, в то время как щиты, панцирные усилители и защита конечностей были изучены в значительно меньшей степени. В тех же случаях, когда речь заходила о защите рук хулагуидских и чагатайских воинов, объектом научного исследования обычно становились различные типы наплечников и створчатых наручей. Достаточно широкое распространение данных защитных элементов среди позднесредневековых латников региона не вызывает сомнений. Однако наплечники и наручи не были единственной формой защиты рук состоятельных воинов Чагатайского улуса и государств Тимури-

дов. Длительное время с ними соседствовали и небезуспешно конкурировали сегментные пластинчатые нарукавья. Этой интересной и слабоизученной разновидности защиты верхних конечностей и посвящена настоящая работа.

Однако прежде чем приступить к анализу источников, необходимо дать определение термину «нарукавье», так как в научных исследованиях он стал использоваться относительно недавно. Здесь и далее под нарукавьем мы понимаем особую разновидность пластинчатой защиты верхних конечностей, состоящую из кованого наплечника и сегментной ламинарной лопасти (с ремненным или клепано-ремненным соединением), прикрывающей руку воина до локтя¹ или до кисти (см. илл. 1: 1). В некоторых случаях защитная лопасть не имела отдельного выделенного наплечника и крепилась непосредственно к корпусному панцирю (см. илл. 1: 3). В отличие от обычных ламинарных и комбинированных (ламельлярно-ламинарных) наплечников центрально- и восточноазиатского образца (см. рис. 1: 8, 11, 13), нарукавья не являлись частью корпусного панциря и могли носиться с различными видами доспеха². В целом они отличались меньшими размерами и большим изгибом составляющих их деталей, что обеспечивало всей конструкции необходимую компактность и эластичность (см. илл. 1: 1–3). Кроме того, элементы нарукавий часто не связывались между собой ремешками (как на ранних образцах ламинарной брони), а наклепывались на продольные кожаные ремни, что обеспечивало функциональную эффективность, надежность и относительную технологическую простоту изделия³.

¹ Самые короткие варианты нарукавий могли прикрывать лишь верхнюю часть бицепса и трицепса.

² Как мы убедимся ниже, ламинарные нарукавья могли дополнять корпусные панцири с пластинчато-ремненной, пластинчато-нашивной, пластинчато-клепанной и даже кольчатой и кольчатопластинчатой структурой бронирования.

³ По схожему пути пошли и европейские мастера XV–XVII вв. (см. илл. 1: 4). Однако западные аналоги были, как правило, заметно короче

Честь «открытия» данного защитного элемента принадлежит выдающемуся советскому и российскому оружейнику и искусствоведу М. В. Горелику, который первым из отечественных исследователей соотнес изображения на тебризских миниатюрах с подлинными образцами нарукавий, происходящих из памятника *Ийи-Кулак* в Тыве [Горелик 1983: 248, табл. II, рис. 3, 6, 251, 253, 254, 256]. К данной проблематике исследователь неоднократно возвращался и в своих более поздних работах [Горелик 2002: 27, 44; Горелик 2011: 310–325].

Некоторые вопросы, связанные с конструкцией и эволюцией центрально- и восточноазиатских нарукавий, были рассмотрены нами в совместной с Ю. С. Худяковым монографии, посвященной вооружению народов Центральной Азии и Южной Сибири XV – первой половины XVIII в. [Бобров, Худяков 2008: 483, рис. 201; 494, 495]. Кольчато-пластинчатый «рукав» из собрания Музея искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) был проанализирован американским исследователем Д. ЛаРокка [LaRocca 2006: 138, 143].

В то же время необходимо отметить, что позднесредневековые нарукавия народов Средней Азии еще не становились объектом отдельного научного исследования.

Цель настоящей работы — выявить основные направления эволюции пластинчатых нарукавий среднеазиатских народов последней трети XIV – начала XVI в. Хронологические границы исследования определяются временем бытования нарукавий рассматриваемого образца на территории Чагатайского улуса и сопредельных районов Средней и Западной Азии. В исторической перспективе данный период совпадает со временем становления и существования империи Амира Тимура и государств Тимуридов.

Тема появления и развития нарукавий до XIV в. выходит за рамки настоящего исследования. Отметим лишь, что изобразительные и вещественные материалы свидетельствуют, что данный защитный элемент был известен народам Евразии задолго до периода позднего Средневековья. Так, в частности, некоторые разновидности пластинчатых нарукавий, так как в большинстве случаев дополнялись массивными налокотниками, защитой предплечья и кисти.

стигчатых нарукавий могли применяться воинами Европы и Азии еще в эпоху Древности и раннего Средневековья [Горелик 1987а: 114, 115, 117–120, 368–370; Горелик 1993: 316, 318, 322, 328; Робинсон 2006: 29–30, рис. 8, 9 б, в].

Однако вопрос о том, имел ли процесс эволюции нарукавий непрерывный или, напротив, дискретный характер, остается открытым. Не исключено, что пластинчатые нарукавия «изобретались» несколько раз, а позднее вытеснялись из военного обихода, чтобы через некоторое время появиться вновь (см. илл. 1: 5–7). В последнем случае некоторое сходство нарукавий разных исторических эпох в различных регионах Евразии может быть обусловлено не военно-культурной преемственностью или прямыми заимствованиями, а очевидностью самих конструктивных решений, обусловленных схожими функциональными задачами и особенностями строения человеческой руки (см. илл. 1: 4). По данной причине вопрос о характере эволюции пластинчатых нарукавий эпохи Древности, раннего и развитого Средневековья требует дополнительного изучения.

2. Источники

Ядром источниковой базы по теме настоящего исследования являются изобразительные материалы, представленные преимущественно тебризскими, гератскими и гиланскими книжными миниатюрами XIV–XV вв. На протяжении рассматриваемого периода изобразительное искусство Передней Азии переживало пик своего развития. Как показали специальные исследования, вооружение воинов на миниатюрах XIV–XV вв. передано с высокой степенью детализации, весьма реалистично и достоверно [Gorelik 1979: 31–51, 56–63; Горелик 1983: 245–268; Горелик 1987б: 172–176, 178–202].

Материалы тебризских и гератских миниатюр хорошо коррелируют с находками подлинных предметов вооружения [Gorelik 1979: 31–51, 56–63; Горелик 1983: 245–268; Горелик 1987б: 172–176, 178–202], что позволяет привлекать их для анализа конструкции хулагуидских, чагатайских и тимуридских доспехов в целом и панцирных нарукавий в частности.

Илл. 1. Нарукавья, наплечники и стеганные рукава народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени:

1–3 — сегментные нарукавья-*бифу* (современные китайские реконструкции); 4 — западноевропейский сегментный наплечник; 5 — Ваджрапани, Куча, Кумтура, VI–VIII вв., ГЭ; 6 — деревянная статуя Дхармапалы, династия Тан (618–907), храм То-дзи, г. Киото; 7 — картина на дереве периода Си Ся (1038–1227), погребение 2 в парке Сицзяо, г. Увэй, пров. Ганьсу, музей г. Увэй;

[Ill. 1. Arm (forearm) guards, shoulder pads and quilted sleeves worn by Eurasian peoples in the Middle Ages and early modern era:

1–3 — *bifu* segmented arm guards (contemporary reconstructions from China); 4 — Western European segmented shoulder pad; 5 — Vajrapani, Qocho, Kumtura, 6th–8th centuries CE, State Hermitage Museum; 6 — wooden statue of Dharmapala, Tang Dynasty (618–907), Tō-ji Temple, Kyoto; 7 — painting on wood from the Xi Xia era (1038–1227), burial 2 in Xijiao Park, Wuwei, Gansu, Wuwei Museum;

8 — юаньская энциклопедия «Шимин гуань ци», XIV в.; 9, 10 — юаньские воины на японском свитке «Сказание о монгольском нашествии», Тоса Нагатака, ок. 1292 г. (9 — копия XIX в.), Императорское собрание, г. Токио; 11 — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, 30-е гг. XIV в., бывшее собрание Демотта; 12 — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, последняя треть XIV в., библиотека дворца-музея Топкапы, г. Стамбул; 13 — «Шах-наме» Фирдоуси, Герат, 1429–1430 гг., библиотека Дворцового музея, г. Тегеран

8 — *Shilin Guangji*, 14th century; 9, 10 — Yuan warriors on a Japanese scroll of *The Tale of the Mongol Invasion*, painting by Tosa Nagataka, ca. 1292 (9 — nineteenth-century copy), Museum of the Imperial Collections, Tokyo; 11 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Tabriz, 1330s, former Demotte collection; 12 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Tabriz, 1360s–1390s, Topkapi Palace Museum, Istanbul; 13 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Herat, 1429–1430, Golestan Palace, Tehran]

Илл. 2. Изображения нарукавий и наплечников мусульманского Востока последней трети XIV – начала XVI в.:

1, 2 — «Шах-наме» Фирдоуси, Тебриз, последняя треть XIV в., библиотека дворца-музея Топкапы, г. Стамбул; 3, 4 — «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, Кемаль ад-Дин Бехзад, 90-е гг. XV в., Музей изящных искусств, г. Бостон; 5 — «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, Герат, 1485–1486 гг., Музей искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк;

[Ill. 2. Images of arm (forearm) guards and shoulder pads used across the Muslim East in the late 14th to early 16th centuries: 1, 2 — Ferdowsi's *Shahnameh*, Tabriz, 1360s–1390s, Topkapı Palace Museum, Istanbul; 3, 4 — *Zafarnama* of Sharaf ad-Din Ali Yazdi, painting by Kamāl ud-Dīn Behzād, 1490s, Museum of Fine Arts, Boston; 5 — *Zafarnama* of Sharaf ad-Din Ali Yazdi, Herat, 1485–1486, Metropolitan Museum of Art, New York;

3

4

5

6

7

8

9

6 — миниатюра из «Альбомов Мехмеда Фатиха», Западная Азия, XV в., библиотека дворца-музея Топкапы, г. Стамбул; 7, 8 — «Шах-намэ» Фирдоуси, Гилян, 1493–1494 гг., Музей искусств округа Лос-Анжелес; 9 — «Хосров и Ширин» Низами, конец XV – начало XVI в., музей Саларджанг, г. Хайдарабад

6 — miniature from Albums of Mehmet Fatih, West Asia, 15th century, Topkapi Palace Museum, Istanbul; 7, 8 – Ferdowsi's *Shahnameh*, Gilan, 1493–1494, Los Angeles County Museum of Art, Los Angeles; 9 — *Khosrow and Shirin* of Nizami, late 15th – early 16th century, Salar Jung Museum, Hyderabad]

3. Особенности конструкции и оформления нарукавий мусульманского Востока последней трети XIV – начала XVI в.

Вероятно, одни из самых ранних изображений позднесредневековых нарукавий мусульманского Востока мы можем наблюдать на миниатюрах к «Шах-наме» Фирдоуси, выполненных в г. Тебризе в последней трети XIV в. Данные произведения входят в состав так называемых «Альбомов Мехмеда Фатиха», хранящихся в библиотеке дворца-музея Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика).

Наибольший интерес для темы нашего исследования представляет миниатюра, изображающая кавалерийское сражение двух групп панцирников, одетых в ламинарные, ламинарно-ламеллярные и пластинчато-клепанные доспехи соответственно (см. рис. 2: 1).

Более половины участников батальной сцены носят панцири, дополненные пластинчатыми наплечниками или нарукавьями. И если в случае с воинами в ламинарных и комбинированных ламинарно-ламеллярных доспехах вопрос о конструкции защиты плеч может являться предметом дискуссии¹, то в случае с латником в правой части миниатюры, весьма вероятно, показано именно сегментное пластинчатое нарукавье (см. илл. 2: 2)². Оно состоит из

¹ Не исключено, что их доспехи снабжены обычными ламинарными или комбинированными наплечниками, усиленными дисковидными зеркалами (см. илл. 1: 12). Данный способ оформления ламинарных наплечников известен по иранским миниатюрам более раннего времени (см. илл. 1: 11). Кроме того, на позднейших интерпретациях данной серии изображений, датированных XV в., указанные защитные элементы показаны именно как ламинарные наплечники, усиленные зеркальными пластинами (см. илл. 1: 13). По данной причине мы не можем уверенно отнести к нарукавьям те из изображений, где сегментная защита рук сочетается с ламинарными кирасами различных типов [Горелик 1983: 248, табл. II, рис. 3].

² В пользу данной версии свидетельствует сочетание наплечной пластины и сегментной лопасти с корпусным доспехом с пластинчато-клепанной структурой бронирования («бригандиной», «куяком»). Подобная комбинация разнотипных защитных элементов типична для более поздних изображений, на которых априори

наплечной пластины, украшенной орнаментом или округлой накладкой, и сегментного нарукавника длиной почти до локтя. Предплечье воина защищено створчатыми наручами, а кисть — пластинчатой перчаткой (см. илл. 2: 2). Комплекс защитного вооружения также включает шлем с кольчатой или чешуйчатой бармицей, усиленный зеркалом пластинчато-клепанной панцирь с длинными ламинарными набедренниками и накрестником, створчатые наголенники.

Следует отметить, что на рассматриваемой миниатюре приведено не изображение некой абстрактной битвы, как иногда полагают, а вполне конкретный эпизод противостояния «иранцев» и «туранцев» во время сражения у Темишше. На миниатюре изображен богатырь Манучехр, поражающий копьём в спину предводителя «туранцев» Тура. Именно Тур облачен в пластинчато-клепанной доспех, снабженный нарукавьями (см. илл. 2: 1, 2).

Во второй половине XIV в. прославленное в «Шах-наме» название «Туран» уже достаточно прочно закрепилось за среднеазиатским регионом. Более того, в знаменитой надписи на каменной плите, выбитой во время похода чагатайских войск на Золотую Орду в 1391 г., Амир Тимур прямо называет себя «султаном Турана» [Григорьев, Телицин, Фролова 2011: 121]. В данной связи весьма вероятно, что батальную сцену на миниатюре из «Альбомов Мехмеда Фатиха» следует рассматривать не как простую иллюстрацию к «Шах-наме», а как своеобразную историческую аллегорию. Желая польстить заказчикам произведения или дав волю своим патриотическим чувствам, тебризский художник изобразил легендарную битву под Темишше как победу иранских земляков из державы Джалаиридов или государства Кара-Коюнлу над войсками Чагатайского улуса, выдав желаемое за действительное³. В пользу данной версии свидетельствует тот факт, что «иранцы» и «туранцы» на миниатюре одеты в доспехи и костюмы, характерные, соответственно, для иранцев, а не традиционные ламинарные наплечники (см. ниже).

³ Как известно, в реальности дело обстояло ровно наоборот. В ходе военных походов последней трети XIV в. Амир Тимур разгромил иранские государства и включил их в состав своей империи.

постхулагуидского Ирана и державы Амира Тимура.

Весьма показательно в данной связи, что наиболее подробные и достоверные изображения пластинчатых нарукавий мусульманского Востока происходят в основном с территории Тимуридских государств и их ближайших соседей. Так, в частности, они показаны на миниатюрах «Зафар-наме», датированных последней четвертью XV в. и иллюстрирующих завоевательные походы Амира Тимура (см. илл. 2: 3–5).

На рисунках знаменитого гератского художника Кемаль ад-Дина Бехзада (ок. 1455–1535/1536) пластинчатые нарукавья носят отдельные состоятельные панцирники и военачальники. В отличие от изображений последней трети XIV в., эти нарукавья отличаются значительной длиной. Они защищают не только плечо, но и предплечье воина, доходя до запястья (см. илл. 2: 3, 4).

В одном случае нарукавье целиком окрашено в серый цвет (см. илл. 2: 3). Вероятно, это указывает на то, что все пластины сегментной лопасти выполнены из железа (стали?). Судя по изображению, нарукавье плотно облегалo внешнюю сторону руки. Оно состояло из одного ряда выпуклых пластин, расположенных таким образом, что верхние нависали над нижними. Края пластин оформлены фестонами. Наплечники (если они были) визуальнo не выделены. Не исключено, что нарукавье не имеет отдельного наплечника и состоит из одной лишь сегментной лопасти (см. илл. 1: 3; 2: 3). Нарукaвья надеты поверх светло-желтого халата со сплошным осевым разрезом, под которым может скрываться эластичный металлический доспех — кольчуга или кольчато-пластинчатый панцирь¹.

¹ В пользу наличия корпусной брони у рассматриваемого воина с нарукавьями косвенно свидетельствует кольчужная лопасть, прикрывающая бедро и верхнюю часть голени всадника, дополненная кованым полусферическим наколенником, а также богато оформленный конский доспех (см. илл. 2: 3). Крайне маловероятно, что высокопоставленный латник, использовавший шлем, нарукавья, набедренники и прикрывший панцирной попоной своего боевого коня, отказался бы от защиты собственного корпуса. При этом гипотетический корпусный панцирь не может иметь ламеллярную, ламинарную или пластинчато-клепанную структуру, так как

Нарукaвья конного лучника на другой миниатюре К. Бехзада, изображающей захват Хивы войсками Амира Тимура, показаны несколько иначе (см. илл. 2: 4). Длинные сегментные лопасти, составленные из одного ряда выпуклых серых (железных, стальных) пластин, дополнены большими наплечниками с фестончатым краем. Желтый цвет наплечников может указывать как на их позолоченную поверхность, так и на то, что они изготовлены из медного сплава. Нарукaвья дополняют защитный комплекс, включающий цилиндрикоконический шлем с бармицей, крытый красной тканью пластинчато-клепаннoй панцирь с небронированным подолом и железные набедренники с позолоченными или медными наколенниками.

Еще одно подробное изображение длинных нарукавий можно наблюдать на миниатюре к «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, выполненной в Герате в 1485–1486 гг. В данном случае нарукавья носит сам Амир Тимур (см. илл. 2: 5). Как и в предыдущих случаях, пластины нарукавий переданы серой краской, т. е. выполнены из стали. Верхний ряд нависает над нижним. Однако на данной миниатюре пластины впервые располагаются в несколько рядов. Кроме того, нарукавья дополнены позолоченными фигурными наплечниками и налокотниками, край которых оформлен полукруглыми фестонами. Возможность применения позолоченных наплечников и нарукавий из нескольких рядов пластин подтверждается материалами вещественных источников Центральной и Восточной Азии [Бобров, Ожередов 2021: 81, 83, 84, 85]. Не исключено, что и наличие налокотников в составе нарукавий также не является художественной условностью (см. ниже).

поверх подобных доспехов халаты с длинными рукавами обычно не носились. С другой стороны, ношение халатов поверх кольчуг и кольчато-пластинчатых панцирей являлось обычной практикой воинов мусульманского Востока периода позднего Средневековья [Бобров, Худяков 2002: 116, 117, 149]. Совокупность данных сведений позволяет предположить, что воин на миниатюре носит под халатом именно кольчатый или кольчато-пластичный доспех. Также не исключено, что на миниатюре изображен *казанд*, т. е. кольчуга, вшитая между матерчатой «покрышкой» и подкладкой халата.

Вместо шлема у Тимура стеганая шапка с навершием и золотой короной. На поверхности зеленого халата изображены сложные золотые фигуры, которые представляют собой декоративные украшения либо позолоченные пластины-зеркала, пришитые к тканевой основе. Под халатом может скрываться кольчатый или кольчато-пластинчатый панцирь¹. В качестве дополнительной защиты великий завоеватель использует красный выпуклый щит с позолоченным (?) умбоном.

Наряду с длинными нарукавьями, на миниатюрах мусульманского Востока XV в. изредка встречаются и их укороченные аналоги. Однако на большинстве таких изображений нарукавья переданы весьма схематично. Помимо прочего, это может означать, что сам художник не наблюдал данный защитный элемент в повседневной жизни, а перерисовал его с работ своих предшественников. Кроме того, не исключено, что на некоторых миниатюрах данного периода показаны не нарукавья, а традиционные ламинарные наплечники².

В некоторых случаях наблюдаются нарукавья нестандартной конструкции. В качестве примера можно привести изображение пешего воина-секироносца на одной из миниатюр XV в., входящих в состав «Альбомов Мехмеда Фатиха» (см. рис. 2: 6). Защитная лопасть снабжена широкой оторочкой по периметру и украшена по нижнему краю фестонами прямоугольной и подпрямоугольной формы. Интересно, что в данном случае наплечник крепится не к сегментной лопасти нарукавника, а к кольчужной пелерине или системе ремней, удерживающих зеркальный доспех на корпусе

¹ Также не исключено, что сам халат представляет собой *казаганд*.

² В первую очередь это касается тех случаев, когда сегментные наплечные лопасти соседствуют с короткими ламинарными кирасами (см. илл. 1: 12). Последний факт, к сожалению, не позволяет уверенно интерпретировать данные защитные элементы как нарукавья [Горелик 1983: 248, табл. II, рис. 3]. По данной причине указанные изображения не анализируются в настоящей работе. Также не привлекаются к анализу изображения, которые могут быть интерпретированы как горизонтально простеганные рукава халатов или «мягких» панцирей из органических материалов (см. илл. 1: 9, 10).

воина³.

С высокой долей вероятности короткие нарукавья изображены на миниатюрах к эпосу «Шах-наме» Фирдоуси, выполненных гилянским художником в 90-х гг. XV в. (см. илл. 2: 7, 8). Отличительной особенностью данных нарукавий является их небольшой размер (лопасти не доходят даже до локтя), а также тот факт, что часть пластин покрыта орнаментом. В пользу того, что на миниатюре показаны именно нарукавья, а не ламинарные наплечники, свидетельствуют характерные ряды заклепок на поверхности пластин⁴, а также тот факт, что защитные лопасти носятся не в комплекте с ламинарными доспехами, а поверх халатов, под которыми предположительно скрывается кольчатая или кольчато-пластинчатая броня.

В целом необходимо отметить, что нарукавья достаточно редко встречаются в мусульманских изобразительных материалах второй половины XIV – начала XVI в. Судя по миниатюрам, данные защитные элементы применялись преимущественно высокопоставленными латниками Тимуридских государств Мавераннахра и Хорасана. Для панцирников Малой Азии, Ирака и западного Ирана сегментные нарукавья были в целом не характерны.

4. Особенности конструкции и эволюции нарукавий мусульманского Востока

По площади защитного покрытия вы-

³ Стоит отметить, что изображенный на миниатюре комплекс защитного вооружения секироносца имеет весьма оригинальную конструкцию (см. илл. 2: 6). Он состоит из двух больших ламинарных дисков, расположенных на спине и груди воина. По бокам эти сегментные зеркала соединяются с помощью трех пар металлических цепочек. Покрытый металлическими бляшками ремень соединяет наспинник со стоячим пластинчатым воротником (вероятно, такой же ремень проходит и по груди воина и крепится к нагрудному диску). Этот своеобразный прообраз зеркального доспеха «чар айна» дополняется поддетой под него кольчужной пелериной с наплечниками и короткими сегментными нарукавьями.

⁴ Подобные заклепки служили для крепления пластин к длинным кожаным ремням, соединявшим их в единую сегментную лопасть.

Фото 1. Кольчато-пластинчатый «рукав» из провинции Ладакх (Северная Индия), Тимуриды, Бабуриды (?), середина XV – первая половина XVII в., Национальный музей Шотландии, г. Эдинбург

[*Photo 1.* Mail and plate 'sleeve' from Ladakh (Northern India), Timurids, Baburids (?), mid-15th to mid-17th centuries, National Museum of Scotland, Edinburgh]

деляются две основные разновидности нарукавий второй половины XIV – начала XVI в.: длинные (до запястья) и короткие (до локтя или выше). В последнем случае нарукавье могло сочетаться со створчатым наручем (иногда с пластинчатой перчаткой). Короткие нарукавья, вероятно, применялись на протяжении всего рассматриваемого периода (см. илл. 2: 2, 6–8).

Известные нам изображения длинных нарукавий датируются последней четвертью XV – началом XVI в. (см. илл. 2: 3–5, 9). Обе разновидности могли состоять как из одной сегментной лопасти (см. илл. 2: 3, 7, 8), так комбинироваться с кованым гомотенным наплечником (см. илл. 2: 2, 4–6, 9). В некоторых случаях пластинчатое нарукавье могло состоять из нескольких рядов пластин и дополняться полусферическим налокотником (см. илл. 2: 5). Судя по рассмотренным изображениям, нарукавья обычно носились в комплекте с пластинчато-клепаным панцирем или одевались поверх халата, под которым могла скрываться кольчатая или кольчато-пластинчатая броня (см. илл. 2). Однако изобразительные материалы Минского Китая свидетельствуют, что подобные нарукавья могли также дополнять пластинчато-ременные (ламельлярные) и пластинчато-нашивные (чешучатые) доспехи [Бобров, Худяков 2008: 350, 1, 3].

Ограниченное распространение нарукавий в странах мусульманского Востока XV в. было обусловлено острой конкуренцией со стороны створчатых наручей, а также распространением кольчато-пластинчатых доспехов, которые в это время могли снабжаться дополнительной пластинчатой защитой плеча [Бобров, Худяков 2002: 145, рис. 3, 2–7]¹.

Вытеснению нарукавий из мусульманской военной практики способствовала трансформация господствующей военно-культурной традиции в регионе. Основным содержанием данного процесса стало распространение в Передней и Средней Азии обновленного западноазиатского комплекса защитного вооружения. Носителями данного комплекса выступали победоносные Сефевиды и кочевые узбеки Мухаммеда Шейбани-хана, покорившие в начале

¹ В некоторых случаях наплечные пластины могли нашиваться поверх наддоспешного халата [Бобров, Худяков 2002: 144, рис. 2: 3].

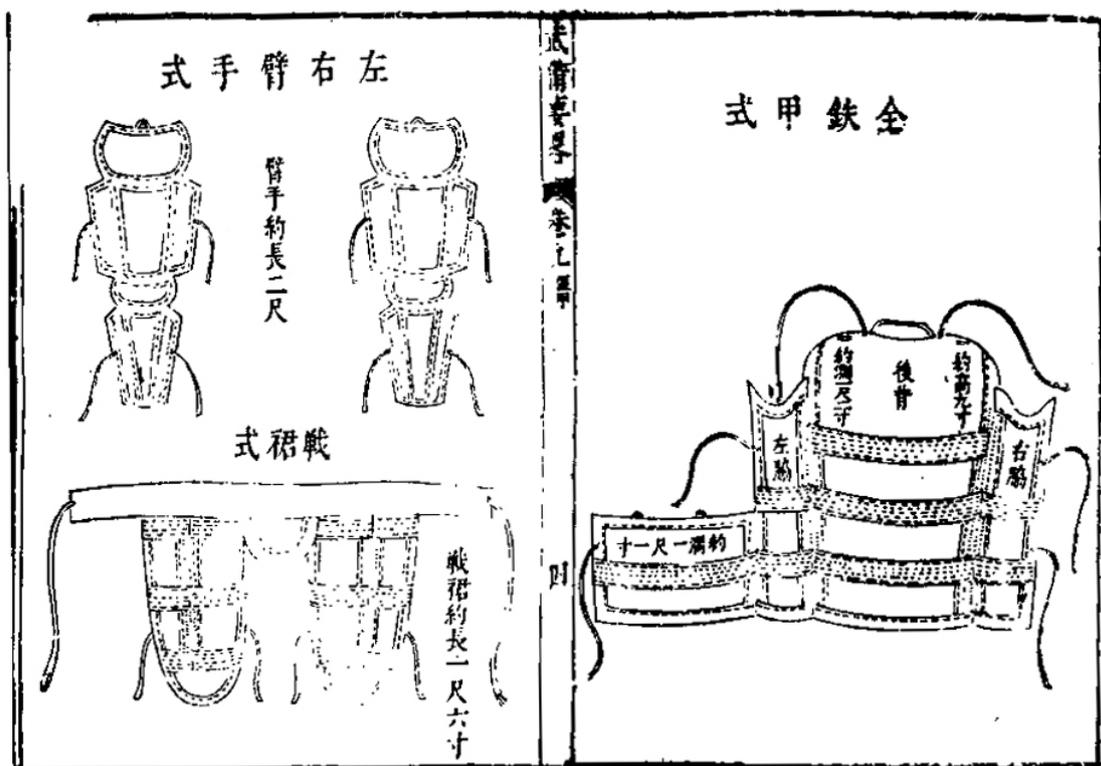
XVI в. Иран и Мавераннахр соответственно [Бобров, Худяков 2002: 112, 113; 142; Бобров 2011: 33, 34]. После крушения Тимуридских государств нарукавья практически исчезают из комплекса вооружения воинов Передней и большей части Средней Азии, но на некоторое время сохраняются на восточных и юго-восточных окраинах мусульманского мира.

Вероятно, последним мусульманским регионом, где в XVI в. продолжали применяться классические длинные нарукавья, была Северная Индия, завоеванная войсками Тимурида Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (1483–1530). Завоеватели привнесли в Южную Азию вооружение среднеазиатского (чагатайско-тимуридского) типа, среди которого были и пластинчатые нарукавья. Характерно в данной связи, что самые поздние достоверные изображения сегментных мусульманских нарукавий происходят именно с территории Индии и сопредельных регионов. В качестве примера можно привести батальную сцену с миниатюры из списка рукописи «Ширин и Хосров» Низами конца XV – начала XVI в., хранящейся в музее г. Хайдарабада. В доспех с нарукавьями облачен полководец из числа противника Хосрова (возможно, сам Бахрам Чубин). Наружья показаны весьма реалистично (см. илл. 2: 9). Они состоят из массивных полусферических наплечников и длинных сегментных лопастей из нескольких рядов горизонтально расположенных пластин, защищающих руку воина до запястья. Судя по желтой раскраске, нарукавья покрыты позолотой или выполнены из медного сплава². Комплекс защитного вооружения дополняют боевое наголовье, пластинчато-клепаный панцирь (?) и набедренники с полусферическими наколенниками.

5. Дериваты нарукавий Мусульманского Востока

В завершение стоит отметить, что длинные «тимуридские» нарукавья не исчезли бесследно. В тех регионах, где мусульманская *паноплия* вступала во взаимодействие с оружейными комплексами народов Центральной, Восточной и Южной Азии, появлялись новые оригинальные образцы воору-

² Возможность существования подобных нарукавий подтверждается минскими материалами XVI в.

Илл. 3. Минский доспех с нарукавьями-бишоу, «Убэй яолюэ» Чэн Цзыи, 30-е гг. XVII в.

[Ill. 3. Ming armor with bishou arm (forearm) guards, Wubei yaolue of Cheng Ziyi, 1630s]

жения, сочетающие элементы военно-культурных традиций разных народов.

В качестве примера подобного оружейного симбиоза можно привести «панцирный рукав» на правую руку, хранящийся в Национальном музее Шотландии (инв. № А.1907.458, г. Эдинбург, Великобритания)¹. Данный образец защитного вооружения был приобретен в 1907 г. в г. Лех — столице провинции Ладакх на севере Индии. «Рукав» состоит из 15 пластин различных форм и размеров, соединенных кольчужным полотном (см. фото 1). Общая длина защитного элемента достигает 63,5 см.

Верхний ярус «панцирного рукава» состоит из выпуклого кованого наплечника с пряжкой для крепления к корпусному панцирю и пластинчатой лопасти. Последняя

выполнена из трех орнаментированных прямоугольных пластин, соединенных по принципу нарукавника (верхняя пластина нависает над нижней, их поверхность покрывают ряды заклепок с округлыми шляпками)². Второй ярус представляет собой две выпуклые пластины прямоугольной формы, украшенные поперечными ребрами и прикрывающие, соответственно, бицепс и трицепс латника. Третий ярус «рукава» представляет собой защиту локтя. Он состоит из цельнокованого полусферического налокотника с бортиком по краю, а также двух пластин подтреугольной и четырех пластин удлиненно-прямоугольной формы. Все элементы соединены между собой кольчужным плетением. Наконец, нижний ярус изготовлен по принципу створчатого наруча — широкая выпуклая створка, прикрывающая

¹ Назвать данный защитный элемент нарукавьем было бы не совсем верным, так как он имеет иную конструкцию и структуру бронирования, а также защищает не только внешнюю сторону руки, но и покрывает ее целиком, то есть формально является не нарукавьем, а панцирным «рукавом».

² Поверхность пластин украшена гравированным орнаментом в виде ромбов в прямоугольных «картушах» с треугольными фестонами по краям. Возможно, что данный узор представляет собой один из вариантов изображения амулета *фаншэн* — знака высокого положения и карьерного успеха [Кравцова 2004: 372].

внешнюю сторону предплечья, дополнена более узкой (запястной) створкой. Обе пластины покрыты поперечными гранями, придающими «псевдонаручу» характерную ребристую поверхность (см. рис. 3).

Уникальность данного образца защитного вооружения обусловлена тем, что он сочетает кольчато-пластинчатую структуру бронирования, типичную для западноазиатской военно-культурной традиции, с некоторыми особенностями оформления, характерными для сегментных пластинчатых нарукавий. К их числу можно отнести выпуклый цельнокованный наплечник с характерной пряжкой, а также «подмышечную» лопасть, набранную по принципу нарукавья. Кроме того, горизонтальные ребра на поверхности пластин второго и четвертого яруса панцирного «рукава», по всей видимости, нанесены далеко не случайно. Весьма вероятно, что они имитируют сегментную структуру все того же пластинчатого нарукавья (см. илл. 2: 2–9). Наконец, нельзя не заметить некоторых параллелей между полусферическим налокотником «рукава» из Ладакха и налокотником нарукавья Амира Тимура на миниатюре из гератской «Зафар-Наме» 1485–1486 гг. (см. илл. 2: 5).

Исследовавший панцирный «рукав» американский оружейвед Д. ЛаРокка датировал его XV–XVI вв. и соотнес с комплексом вооружения Западного Тибета, Северной Индии или Западной Азии [LaRocca 2006: 143]. Не отвергая в принципе подобной возможности, в то же время отметим, что «панцирный рукав» вряд ли мог быть изготовлен ранее середины XV в.¹ Верхнюю границу бытования подобной защиты верхних конечностей мы считаем возможным продлить до первой половины XVII в. В пользу данной датировки свидетельствует изображение из китайского трактата «Убэй яолюэ» («Краткое изложение важнейшего из военного дела»²), написанного минским военным теоретиком Чэн Цзыи в 30-х гг.

¹ Для первой трети XV в. подобная сложная форма кольчато-пластинчатой защиты верхних конечностей в целом не характерна даже для западных районов мусульманского Востока, не говоря уже о Средней, Центральной или Южной Азии.

² Перевод с китайского языка выполнен А. М. Пастуховым.

XVII в.³ Здесь мы можем видеть очень схожий «панцирный рукав» (*бишоу*), состоящий из характерного наплечника с пряжкой, пластинчатой защиты бицепса и трицепса, округлого налокотника и створчатой защиты предплечья (см. илл. 3). Немного отличаются форма и количество пластин «рукавов», но их общее конструктивное сходство несомненно. Главное принципиальное отличие заключается в том, что на панцирном «рукаве» из Ладакха пластины соединены кольчужными кольцами, в то время как автор «Убэй яолюэ» предлагаетшивать их на матерчатую основу из синей стеганой хлопчатобумажной ткани⁴.

Наличие крупнопластинчатого панцирного «рукава» в издании 30-х гг. XVII в. указывает на то, что в этот период подобная защита верхних конечностей еще не утратила своей актуальности. Это в свою очередь позволяет датировать панцирный «рукав» из Ладакха серединой XV – первой половиной XVII в. На наш взгляд, его происхождение связано с позднетимуридской

³ Обычно произведение датируется 1638 г., однако в некоторых исследованиях указываются и другие возможные даты: 1632 или 1636 гг. (прим. переводчика).

⁴ Возможно, что панцирный «рукав» из «Убэй яолюэ» представляет собой адаптацию защитного элемента мусульманского образца к военно-культурным реалиям Минского Китая первой половины XVII в. Доспехи с кольчатой и тем более кольчато-пластинчатой структурой бронирования имели в минских войсках данного периода весьма ограниченное распространение. Большинство китайских ремесленников не обладали достаточным опытом для организации производства подобного защитного вооружения. Возможно, по этой причине и был выбран более простой и привычный способ сборки защитных элементов. С другой стороны, не исключено, что китайский военный теоретик мог разработать свои крупнопластинчатые *бишоу* на основе японских панцирных «рукавов» — *котэ*. К сожалению, в настоящее время нам неизвестны японские *котэ*, составленные из крупных пластин и снабженные массивными наплечниками и налокотниками, аналогичные тем, что изображены на рисунке «Убэй яолюэ». Наконец, определенную роль в появлении минских крупнопластинчатых «рукавов» могло сыграть знакомство китайцев с европейским латным доспехом. Данный вопрос требует дополнительно изучения.

и (или) бабуридской военно-культурной средой. Наиболее вероятно, что он был изготовлен на территории Империи Великих Моголов, основателем которой был упомянутый выше потомок Амира Тимура — Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Это объясняет сочетание в данном защитном элементе передовой для данного периода кольчато-пластинчатой структуры бронирования с элементами оформления, характерными для нарукавий тимуридской знати. Если наше предположение верно, то панцирный «рукав» из Ладакха представляет собой финальную стадию развития сегментных нарукавий мусульманского образца.

6. Выводы

В исторической перспективе поздне-средневековые нарукавья стали одним из проявлений процесса оптимизации и модернизации имперского «чингизидского» доспеха, основанного преимущественно на военно-культурных традициях населения Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии. Распространение нарукавий в XIV – середине XVII в., по всей видимости, стимулировалось ростом значения динамичного конного боя с применением длинно-клинкового оружия. Для защиты плеч и рук воина от рубящих сабельных ударов требовалась более компактная, эластичная и удобная защита, чем традиционные ламеллярные и ламинарные наплечники.

В периоды развитого, позднего Средневековья и раннего Нового времени сегментные нарукавья применялись панцирниками Южной Сибири, Передней, Средней, Центральной, Южной и континентальной Восточной Азии¹. Однако хронологические и территориальные границы их распространения в указанных регионах отличались определенной спецификой.

Период бытования нарукавий на мусульманском Востоке может быть локализован второй половиной XIV – началом XVI в. Наибольшей популярностью нарукавья пользовались у среднеазиатских (чагатайских, тимуридских) воинов данного периода. Вытеснение нарукавий из военного обихода народов Передней и Средней

¹ Некоторые данные позволяют предполагать, что сегментные нарукавья могли также использоваться воинами Восточной Европы и Северного Кавказа.

Азии было обусловлено распространением в регионе кольчато-пластинчатых доспехов (в том числе с дополнительной защитой плеч), створчатых наручей, а также сменой военно-культурной традиции. В середине XVI в. и позднее нарукавья (в том числе их модернизированные кольчато-пластинчатые дериваты) изредка встречались лишь на восточных и юго-восточных окраинах мусульманского мира. Возможность эпизодического применения нарукавий и их дериватов на территории мусульманских государств Малой, Передней и западной части Средней Азии в середине XVI–XVII в. не исключена, однако в настоящее время достоверных свидетельств этому не обнаружено.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволил уточнить некоторые особенности эволюции панцирных нарукавий мусульманского Востока эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Магистральным направлением развития азиатских панцирных нарукавий XIV–XVII вв. являлась оптимизация системы крепления пластин, а также постепенное повышение эластичности защитного элемента за счет уменьшения размеров пластин. Последнее решение позволило разместить пластины в несколько рядов и расширить площадь защитного покрытия до запястья включительно.

Есть основания полагать, что на ранних образцах нарукавий пластины соединялись между собой кожаными ремешками по принципу ламинарного наплечника. Однако позднее они стали наклепываться на продольные кожаные ремни, которые в свою очередь крепились к матерчатой основе. Вероятно, данный способ соединения был признан более надежным и практичным. Финальной стадией развития крепежной системы защитных элементов нарукавий и их дериватов на мусульманском Востоке стала кольчатая система соединения, сочетающая в себе надежность с высокой степенью эластичности.

На протяжении XIV–XVII вв. прослеживается тенденция постепенного уменьшения размеров пластин, составляющих сегментные лопасти. Сначала это происходило за счет уменьшения ширины (высоты) пластин, а затем и их длины. Если ранние нарукавья состояли из одного ряда

широких и достаточно массивных пластин (см. рис. 2: 2, б), то позднее защитную лопасть стали все чаще изготавливать из нескольких рядов мелких пластинок удлиненно-прямоугольной формы (см. илл. 2: 5, 9). На мусульманских материалах указанные изменения достоверно прослеживаются с последней четверти XV в. (см. илл. 2: 5), на минских — с середины XVI в. [Бобров, Ожередов 2021: 80]. При этом следует подчеркнуть, что уменьшение размеров пластин следует воспринимать как преобладающую тенденцию, а не как тотальную закономерность. Судя по гератским миниатюрам, нарукавья из длинных горизонтальных пластин продолжали применяться мусульманскими воинами вплоть до конца XV в. (см. илл. 2: 3, 4).

Уменьшение размеров пластин не только повысило эластичность защитного элемента, но и позволило существенно увеличить его длину. Ранние нарукавья обычно прикрывали руки воина от плеча до локтя (см. илл. 2: 2, б), однако начиная с последней четверти XV в. все большее распространение получают их длинные мелкопластинчатые аналоги, защищавшие верхние конечности латника от плеча до кисти (см. илл. 2: 3–5, 9). Появление кольчато-пластинчатой структуры бронирования и вовсе позволило прикрыть сталью не только внешнюю, но и внутреннюю стороны бицепса и предплечья, превратив сегментное нарукавье в «панцирный рукав» (см. фото 1).

Изобразительные и письменные источники свидетельствуют, что сегментные нарукавья могли носиться в комплекте с корпусными панцирями с пластинчато-клепанной, пластинчато-нашивной, пластинчато-ременной, кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования. Не исключена возможность применения нарукавий и в комплекте со стеганными «мягкими» доспехами.

Литература

Бобров 2003а — Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV – XVII в.) (начало) // *Para-Bellum*. 2003. № 17. С. 71–102.

В целом удельный вес нарукавий в системе защиты верхних конечностей народов мусульманского Востока второй половины XIV – начала XVI в. был относительно невелик. В отличие от Минского Китая середины XVI – начала XVII в., длинные сегментные нарукавья в Средней Азии так и не стали по-настоящему массовым элементом защитного вооружения и продолжали применяться преимущественно представителями местной военно-политической элиты. Тем не менее они более столетия небезуспешно конкурировали с другими видами защиты верхних конечностей (створчатými наручами, наплечниками различных типов и др.). Тот факт, что нарукавья входили в состав комплекса защитного вооружения наиболее состоятельных и знатных воинов, вероятно, повышало их престижность в глазах современников¹. Вытеснение нарукавий из военного обихода Мавераннахра и Хорасана было, по всей видимости, обусловлено не столько их технологическими и конструктивными недостатками, сколько сменой военно-культурной традиции, произошедшей в результате крушения государств Тимуридов. Пришедшие им на смену иранские Сефевиды и кочевые узбеки Шейбани-хана привнесли в регион западноазиатский комплекс вооружения, который будет доминировать в Средней Азии вплоть до вытеснения традиционного доспеха из широкой военной практики народов региона.

¹ Интересно, что в первой половине XVII в. схожая ситуация сложилась и на Дальнем Востоке — в чжурчжэньском государстве Хоу Цзинь и Цинской империи, где длинные сегментные нарукавья стали характерной чертой доспеха аристократии, командного состава и элитных подразделений. Элементы этих нарукавий (сегментные оплечья, налокотники и др.) сохранились в составе церемониального цинского «костюмного доспеха» вплоть до начала XX в.

Бобров 2003б — Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (окончание) // *Para-Bellum*. 2003. № 18. С. 43–80.

- Бобров 2011 — *Бобров Л. А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Худяков 2002 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии: сб. ст. / под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: мат-лы юбил. науч. конф. (г. Москва, 8–10 сент. 1980 г.) / редкол.: Б. А. Рыбаков (отв. ред.) и др. М.: МГУ, 1983. С. 244–269.
- Горелик 1987а — *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства: сб. ст. / отв. ред.: Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 110–133, 356–373.
- Горелик 1987б — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии: сб. ст. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 163–208.
- Горелик 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.
- Горелик 2002 — *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Военное искусство, снаряжение, оружие. М.: Вост. горизонт, 2002. 84 с.
- Горелик 2011 — *Горелик М. В.* Комплекс монгольского воинского снаряжения из Тувы // Золотоордынское наследие. Вып. 2: мат-лы 2-й междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М. А. Усманова (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / отв. ред. и сост.: И. М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 310–325.
- Григорьев, Телицин, Фролова 2011 — *Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б.* Надпись Тимура 1391 г. // Тюркологический сборник 2009–2010 гг.: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2011. С. 109–129.
- Кравцова 2004 — *Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: уч. пособ. СПб.: Лань; TRIADA, 2004. 960 с.
- Робинсон 2006 — *Робинсон Р. Г.* Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения / пер. с англ.: С. Федоров. М.: Центрполиграф, 2006. 280 с.
- Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in Works of Art // Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p.
- Nicolle 1990 — *Nicolle D.* The Age of Tamerlane / A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p.

References

- Bobrov L. A. Armour Sets in Central and Mainland East Asia, 14th–19th Centuries: Key Evolutionary Trends. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Barnaul, 2011. 54 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 1. *Para-Bellum*. 2003. No. 17. Pp. 71–102. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 2. *Para-Bellum*. 2003. No. 18. Pp. 43–80. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Central Asian armour in the Late Middle Ages. In: Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G. (eds.) *Military Science of Northern and Central Asian Nomads*.

- Collected papers. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. Pp. 106–168. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) *Islamic Arms and Armour*. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63. (In Eng.)
- Gorelik M. V. [Introducing] one set of Mongolian military accoutrements from Tuva. In: Mirgaleev I. M. (ed., comp.) *Legacy of the Golden Horde*. Vol. 2: Proceedings of the Conference on Political and Socioeconomic History of the Golden Horde (Kazan, 29–30 March 2011). Kazan: Foliant, Märçani Institute of History (Tatarstan Acad. of Sc.), 2011. Pp. 310–325. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Armies of Tatar-Mongols, 10th–14th Centuries: Military Science, Accoutrements, Weapons. Moscow: Vostochnyi Gorizont, 2002. 84 p. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Mongol (Tatar) armour: Mid-14th to early 15th century. In: Rybakov B. A. et al. (eds.) *The Battle of Kulikovo in Our National History and Culture*. Conference proceedings (Moscow, 8–10 September 1980). Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1983. Pp. 244–269. (In Russ.)
- Gorelik M. V. One early Mongolian armour set, 9th to mid-14th centuries: [A review]. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia*. Collected papers. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Saka armour. In: Piotrovsky B. B., Bongard-Levin G. M. (eds.) *Central Asia: Newly Discovered Pieces of Writing and Art*. Collected papers. Moscow: Nauka – GRVL, 1987. Pp. 110–133, 356–373. (In Russ.)
- Gorelik M. V. Weapons of the Ancient East: 4th Millennium BCE – 4th Century CE. Moscow: Nauka, 1993. 349 p. (In Russ.)
- Grigoryev A. P., Telitsin N. N., Frolova O. B. Timur’s Inscription of 1391. In: Klyash-torny S. G., Sultanov T. I., Trepavlov V. V. (eds.) *Turkological Collection of 2009–2010: Turkic Peoples of Eurasia in Ancient and Medieval Times*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. Pp. 109–129. (In Russ.)
- Kravtsova M. E. Arts and Cultures of the World: A History of China’s Art. St. Petersburg: Lan, TRIADA, 2004. 960 p. (In Russ.)
- LaRocca D. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Nicolle D. The Age of Tamerlane. A. McBride (ill.). Oxford: Osprey Publishing Ltd., Bloomsbury Publishing, 1990. 63 p. (In Eng.)
- Robinson H. R. Oriental Armour. S. Fedorov (transl.). Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 280 p. (In Russ.)

